

Точка зрения

Перед Новым годом – 2015 (а у некоторых и с опозданием – в середине января) сразу в нескольких изданиях появилась идея подвести литературные итоги, задавая влиятельным в этой области искусства людям традиционные вопросы. Таких текстов довольно много, но самый известный появился на либеральном рупоре “Кольта”, еще один заслуживающий внимания размещен в журнале “Литература”. Во втором случае ситуация лучше – в журнале традиционно дают площадку разным авторам, но и там некоторые ответы вызывают отторопь.

Предлагаю посмотреть, чем запомнились

Георгий ПАНКРАТОВ

(по версии этих двух изданий) ушедший год людям, определяющим литературный процесс:

– “Премии – особенно такие статусные, какой заявляет себя “Большая книга”, – во всем мире имеют столь мощную политическую составляющую, что награждаются не только и не столько произведения, сколько авторы: премия “Обители” – это премия Прилепину в комплексе со всей его, не побоюсь этого слова, аджендой. Одаренность Прилепина совершенно созвучна пафосу теперешней власти, а его литературный стиль совпадает с её теперешней надрыбно-квасной тональностью. И это какое же странное искажение зрения надо иметь, чтобы не видеть, как идеально гладко главная книжная премия этого года ложится в его хронологию”.

– “Победа публициста Прилепина над здравым смыслом”.

– “Большим потрясением стала подпись филолога Дмитрия Бак под письмом министра Медникова (письмо от имени деятелей культуры авансом оправдывало все будущие действия Путина на территории Украины). Ржет слух не только нечуткая профессионального историка литературы к подобному жесту: не менее оскорбительным кажется мне подписание любых верноподданнических писем с указанием должности, которую занимает подписант. В данном случае вопрос о буквальном разделении ответственности за этот шаг встает перед каждым, кто, пусть даже на полчаса, заходит в любое из зданий музейного холдинга, который возглавляет Дмитрий Бак”.

– “Российские охранительные издания сделали ставку на чудовищную примитивизацию мысли, массовая литература отреагировала незамедлительно”.

– “Меня, бессспорно, печалит присуждение премии Прилепину – мрачный знак того, что <...> далеко до победы”.

– “Прилепин и Шаргунов – косноязычные чоткие пацаны (орфография оригинала, – Г.П.), которых стилизация интеллигенция, пестуя свой комплекс неполноценности перед сермяжками, посконным и домотканым, сперва назначила в писатели земли Русской, а теперь, глядя на свершения оных големов на общественно-политической ниве, сокрушается и посыпает голову пеплом”.

– “До тех переполненных залов, которые собирали вечера украинской поэзии в очищенных от прокремлевских бандфор-

мирований районах Донбасса, русской поэзии, увы, еще далеко” (! – *Примеч. авт.*). – “Год был мрачнее некуда, особенно первая его половина, на которую пришел пик великодержавной истерии”.

– “Мы прощаемся с годом дурной, опереточной литературы, торжествующей на просторах “ДНР””.

– “Вообще смысл сегодня производится не в России”.

Какое соревнование в демонстрации лояльности единой Украине, восславлению Майдана и бурлящей ненависти к условной ДНР – при полном нежелании понимать, что, если бы во многом подобные им книголюбы и литературоведы не повесились от души в центре Киева, так и никакой бы ДНР и близко не было. Это ж вы родили ДНР, уважаемые, с вас всё началось – к себе и претензии. Однако, не это сейчас главное.

Литературный итог

Итак, литературные итоги года. Именно литературные. И подводит их либеральный литературный “цвет нации” – люди, которые возомнили, что решают, кому можно называться писателем и поэтом, а кому нет. Уничтожение Прилепина и презрение к патриотам – вот, собственно, все итоги.

Я не собираюсь утрировать и утверждать, что у аполитичного (то есть не имеющего никакой позиции по отношению как к Майдану, так и к Донбассу, или отказывающегося такое отношение демонстрировать) писателя нет шансов добиться чего-либо в литературе. Но симпатия к Майдану будет, как пишут сейчас в резюме, существенным преимуществом, тогда как открытая поддержка Новороссии для писателя, особенно малоизвестного, как гири на ногах. Не будь Захар Прилепин уже состоявшимся писателем (или големом, по версии почтенных господ) к настоящему времени, он наверняка так же помогал бы ополченцам и мирным жителям Новороссии, но вот возможностей у него было бы меньше: дали бы ему состояться как писателю? Большой вопрос.

Творческое кредо у каждого писателя свое. Я, например, никогда не был “громким патриотом” в том смысле, что не заявлял об этом со всех своих страниц. В литературе, как и в жизни, мне интересна судьба обывателя, интересны жизненные коллизии, интересна мистика. Я не сторонник приукрашивать жизнь ради того, чтобы попасть в тренд “всё у нас хорошо”. Но когда пишу о горестях, страданиях, отклонениях, то вовсе не для того, чтобы насладиться ими или на них “сделать имя”. Донбасс для тех, кто одержим такой задачей, – вернейшее решение. Тем не менее, я, в целом, разделяю позицию тех, кто считает, что писать о происходящем там рано, хотя очевидно: важнее этой темы в обозримом будущем ничего не будет. Однако сегодняшняя около-литература сама провоцирует подобных “итогами”, выделяя отношение автора к событиям на Донбассе в отдельный критерий определения. Так и представляется чудесная картина, как господа приветствуют друг друга: “Слава Украине” – рапортует автор. “Героям слава!”, – отвечает критик, издатель, редактор правильного журнала.

Поскольку демоны, выпущенные на

Майдане в том числе любителями изысканной словесности, а не “косноязычного” Прилепина, уже никогда не уберутся вон самостоятельно, а значит, всем нам предстоит жить и умирать в атмосфере ненависти совестливых и порядочных людей ко всякому подобному быдлу, то литератору, имеющему репутацию “крымнашиста” и сторонника Новороссии, придется туго. Что в этой ситуации делать? Не предавать жизненных идеалов и помнить о некоторых особенностях литературы.

Во-первых, она является одним из многих человеческих занятий, наряду с другими, во многом более достойными. Во-вторых, литература и окополитический мир, включающий в себя “тусовки”, премии, постоянные перебранки писателей между собой, рецензии, отповеди, а то и просто веселые застольные истории, – не одно и то же, и настоящий писатель изначально будет стремиться достичь чего-то в первом, а не во втором. Литература говорит с Вечностью, и всё, что происходит вокруг неё, в лучшем случае посредничает в этом разговоре, в худшем – препятствует, создавая эффект “испорченного телефона”. Говорить от имени Вечности может любой, но именно Она выносит финальный вердикт, когда проходит годы и десятилетия, и всё расставляет по своим местам. Это единственное, что важно. И в Ней найдётся место представителям обоих лагерей, конечно же, и тем, кто “над схваткой”, – тоже.

Но можно не сомневаться, что итоги, подведенные Вечностью, будут действительно литературными – в отличие о тех, что мы прочитали выше.

Я не раз утверждал, что спор об Украине и Новороссии – вопрос вовсе не политический, это вопрос наличия у человека сердца. Писатель же – тот, у кого сердце рабочий инструмент. И проходит мимо величайшей трагедии, происходящей с современниками (пусть до поры до времени не в творчестве, но в жизни уже точно), – значит, быть оплошким на всё сердце. Что, впрочем, не отменяет у человека таланта, но таланта в виде сухого порошка, который нечем растворить. А если есть Ури ложками, не утолишь жажды. Потому что писатель – это не только талант.

Степень искренности должна быть первой меркой оценки, утверждал Владимир Померанцев. Говоря о премированном “големи”, либеральная публика намеренно игнорирует этот критерий, потому что знает – именно он и определил победу Прилепина. Сейчас популярна точка зрения, что какой-то общей литературы нет, есть несколько несообщающихся сосудов-литератур, и было бы в какой-то мере справедливо, если б в каждой из них были свои награды, которые бы обязательно доставались и романам о дроблении России на множество мелких государств. Все подводили бы “свои” итоги и не лезли в “чужие”.

Но пока этого нет, все прочитанные нами высказывания действительно стоит считать итогом: волюно или невольно литературная либеральная элита продемонстрировала свое бессердечие. Потому что, когда вокруг человеческое горе, знаешь, литература в принципе ничего не значит. Ваши страницы в фейсбуке, ваши подписки в нем и ваши же “лайки” – вот, собственно, главные итоги года.

Слава литературе, писателям слава!

Правда, добро и справедливость как русская национальная идея

Если круглые сутки питаться одним сахаром, можно навсегда получить отравление ко всему сладкому. Но это не повод объявлять углеводы вне закона.

Так и с идеологией. Советская пропагандистская машина своим унылым однообразным бормотанием в итоге привила у населения отвращение к изначально прекрасной идее Светлого Будущего. Может потому, что Будущее это упорно отказывались наступать, а может потому, что было слишком эфемерным. А советскому человеку были нужны джинсы, “видик”, машина.

Но вот все поголовно оделись в джинсовую униформу, обзавелись не только машинами, но и такими фантастическими девайсами, какие в годы Перестройки даже представить невозможно было. Более того – обычный работяга из Тагила получил возможность поехать на заграничный курорт и даже стал его характерным мемом. Сейчас, вроде как, кризис, но принципиально ничего не изменилось. Ведь даже в самые жирные годы в глазах наших людей нет-нет, да и мелькала какая-то растерянность. Как у Михалкова-старшего: “Сижу в президиуме, а счастья нет”.

Признайтесь – у каждого в глубине души присутствует ощущение, что нас где-то обманули. Запомните это ощущение. Это ключ к ответу на многие вопросы.

В какой-то момент, словно очнувшись от пьяного угара девяностых, мы бросились судорожно искать то,

Запомним это ощущение...

что потеряли с крахом старого режима. Идеологию или национальную идею – называйте, как угодно. И начали лепить такое, отчего стыдно смотреть телевизор “Единая Россия”, соперничающая с КПРФ по степени косноязычия и полному отсутствию полёта мысли. Про “Наших” вообще молчу. Я понимаю, что всё это художбно создается ради неких благих побуждений, но это ни на метр не приближает нас к пресловутой национальной идее. Скорее пародирует эту самую идею и дискредитирует власть. Почему? Да потому, что это не от души идёт, а от ума, и ума, не особо напрягшегося в познании нашего с вами менталитета.

Позвольте, спросите вы, а нужна ли вообще эта идеология? Резонный вопрос. Давайте подумаем.

Возьмём дореволюционную Россию. Известный лозунг “Православие. Самодержавие. Народность” – это ли не идеология? Видимо, в какой-то момент власти понадобилось сформировать нечто, что превращает массы в нацию. Именно сформулировать, оформить в соответствующий эпохе “бренд” то, что существовало задолго до этого. А где же истоки этой архаичной русской идеологии? Как ни смешно – в древнем Киеве, где князь Владимир впервые взялся за создание того, что сейчас называют набившей оскомину фразой “духовные скрепы”. Ведь православие, которое он привнёс на нашу землю, это не просто религия – это и была центрирующая нацию идеология. Которая и вела наш народ, на минуточку, тысячу лет.

Так в чём же смысл этой самой идеологии? Да в том, что ради такой идеи хочется идти вперед и создавать, осваивать Сибирь и открывать Антарктиду, летать в космос и побеждать на Олимпийских Играх. Потому что она позволяет ощущать себя человеком, созданием особого порядка, носителем чего-то высшего, а не просто существом торообразной формы, в которое с одной стороны входит еда, а с другой выходит, сами понимаете что.

В этом смысле советская идеология ничем не хуже православной: она ведь тоже имела в виду великие и светлые цели, вроде построения того же Светлого Будущего и всеобщего счастья. Проблема советской идеологии в том, что в её основе всё-таки несколько порочная идея построения некоего бытового рая на Земле. И как только то, что обещали коммунисты, нам дали империалистические акулы – как то: джинсы, автомобили и развлечения, – коммунистическая идея несколько полекла. Не то чтобы она совсем плоха, просто наши высшие партийные руководители, как ни прискорбно, всегда были недалеким и жадным жлобём, и всерьёз думали, что народу ничего, кроме колбасы, не нужно.

А что же у наших “партнеров”? У них что, нет этих вечных вопросов? А тут уже интереснее. Возьмем Европу, активно избавляющуюся от наследия христианства. Что там за идеология? Правильно – Свобода! Точнее, доходящая до абсурда иллюзия свободы личности. Европейцы догадываются, что это всего лишь иллюзия – иначе зачем всё время судорожно доказывать свою свободу всё более и более крайними, почти чудовищными способами? Сначала скульптуры из трупов, взаимное людоедство в прямом эфире, идиотские и, кстати, не смешные карикатуры на святых, легализованные однополые браки, а теперь вот практика евгеника – конструирование ребёнка из генов трёх “родителей”. Можно подумать, будто европейцы просто сходят с ума от избытка своей “свободы”. Которая с точки зрения той же классической европейской философии свободой не является вовсе.

Но Бог с нами, с европейцами. Они по большому счёту не являются нашим потенциальным противником, стало быть, их идеология лишь косвенно противостоит нам.

Наш идеологический противник – всё тот же. Да, как ни банально, это американцы. И тут надо признать: у наших заокеанских оппонентов с идеологией всё в порядке. Потому что это простая, как мир, идеология исключительности собственной нации. Американцы с их собственной точки зрения – богоизбранный народ, призванный управлять миром. И мировое господство для них – не сумасшедшая идея, а почти совершившийся факт. Трудно поспорить: это очень удобная, а главное – очень приятная идеология. Ведь знать, что ты лучше других, что у тебя право на власть над всеми прочими, – это что-то вроде наркотика. Правда, довольно опасное, что демонстрирует опыт нацистской Германии. Но американцы не понимают или не хотят этого понимать, как в своё время не понимали немцы.

И главная опасность этой идеологии для нас с вами в том, что её носители чётко разделяют мир на “хороших” и “плохих” парней. Они, естественно, “хорошие”. А “плохие” – это мы с вами, если вы ещё не поняли. Они не будут сомневаться, когда получат шанс нанести удар. А мы? Что мы можем противопоставить этой мощной незамутнённости сознания молодой амбициозной нации? Коррумпированных элдровос? Или дряхлых коммунистов, которых никто уже не воспринимает всерьёз? Коммунисты могут возразить в стиле мультяшной Масяни: “В советские времена было о-о-о!”.

Нет, ребята, за советскую родину стояли стеной потому, что она олицетворяла всё новое, передовое, светлое, и даже репрессии не могли подавить общее ощущение свежести, подъёма. Новые заводы, лучшие самолёты, танки, передовой кинематограф – это, извините, аргумент. Но это в прошлом.

Проблема в том, что “национальная идея” должна быть близка человеку, быть частью его сущности. В чём отличие “настоящей” идеологии от искусственной, высосанной из пальца подделки?

С такой идеей можно пойти в атаку. “За Родину!” – вот она, национальная идея в действии. Тут, правда один нюанс: в том победном кличе имелась в виду та самая Советская родина. “За демократию!” – с таким лозунгом вполне себе можно бомбить из стратосферы террористов и мелких диктаторов. Или тех, кого назначили террористами и диктаторами. А что за идея продвигается на самом высшем уровне у нас? Сытость? Благополучие? Социальное положение? Представляю самого себя, кидаящего во врага гранату с воплем: “За бабл!”.

Да, ещё тут в качестве национальной идеи преподнести борьбу с коррупцией. Но уже это совсем смешно. Бороться надо не ради борьбы как таковой, а во имя действительно стоящей идеи. Иначе это напоминает бесконечное перемешивание дерьма лопатой вместо попыток его вычерпать. Что стоит за борцами с коррупцией, кроме зарплат и соблазна перейти на “тёмную сторону силы”? Только страх наказания.

Неужели наша национальная идея – это страх?! Разумеется, нет. А нечто неосозаемое, то, что заставляет многих настоящих мужиков в погонах противостоять всем этим беззрлым оборотням. Но что это за тонкая материя такая?

Помните своё ощущение, о котором я писал выше? Оно той же природы.

Что ещё? Православие? Побойтесь Бога. Неслучайно уже в начале 20 века религию как основную стержень нации пришлось закреплять в том самом искусственном лозунге. Не говоря уж о том, что православие у нас не единственная конфессия, да и вообще у нас религия отделена от государства.

“Свобода” в либеральном понимании? Боюсь, что гражданин от либеральной болтовни тошнит уже не меньше, чем от советской пропаганды.

Что же тогда? Пустота? Неужто у нас нет ничего, за что стоило бы умереть – кроме любимых полей, лесов и рек? Чего-то высшего, в чём заключается наша особая духовная сила? Чего-то такого, что течёт у нас в крови из века в век, из формации в формацию? Да и есть ли вообще такая идея?

Я бы не стал излагать всё это, если бы не увидел собственных глазами то, что видите вы сами. Не стану оригинальным: это резкий национальный подъём по поводу событий на Украине. Что случилось? Банальный национализм? Это не объяснение – ведь, казалось бы, какое нам дело до соседней страны?

Владислав ВЫСТАВНОЙ

О сборнике стихов Геннадия Иванова “Избранное”

Заглавием этого отзыва моего стала строчка одного из стихотворений Геннадия Иванова, которое пот включил в сборник: *Таинственно и безбрежно Шумит мировой океан. Земля – это берег надежды, И он неслучайно нам дан.*

Мы здесь наполняемся верой,
Мы здесь открываем исток.
И сущим живя,
не химерой, –
Григорий БЛЕХМАН

Земля - это берег надежды...

*Пожимся лицом на восток.
Пожимся, закрыв свои вежды.
Проснёмся в хороммах Отца.
Земля – это берег надежды.
Надейся и верь до конца...*

Когда-то мастер лаконичных определений Вадим Кожин сказал, что “произведение писателя – это рентген его души”. И всякий раз, когда читаю очередной поэтический цикл Геннадия Иванова или перечитываю его сборники, вспоминаю это стихотворение и слова Кожина. Потому что для меня “рентген души” этого поэта – в его строчках: “Земля – это берег надежды. Надейся и верь до конца...”.

В одном из своих ранних стихотворений, размышляя на тему вечного, он написал: *...Надо жить, хотя так трудно верить В лучший смысл земного бытия, Надо приходиться на этот берег, Чтоб тоска развеялась твоя.* Ведь уже не раз такое было: *Так же сердце от неверья стыло, А потом, откуда ни возьмись, Начиналась, продолжалась жизнь.*

Каждый из нас время от времени сталкивается с таким “откуда ни возьмись”, которое вдруг может развернуть твою жизнь, в очередной раз показывая её многообразие и непредсказуемость. Поэтому, когда читаешь, – такое ощущение, будто сам написал. Иногда бывает – обычный эпизод: ты плывёшь на корабле или теплоходе, смотришь на воду, о чём-то думаешь. Потом забываешь об этом. А у поэта тем временем возникает ассоциация и образы, которые обладают магией притяжения, и не отпускают его, пока не выльются в слова, которые потом не сложно забыть: *Когда погас на горизонте свет И от миров повеяло кочевьем, Я всё глядел на уходящий след При свете кормового освещения. И думал я, что жизнь, как этот след, Недолго вьётся, мчится и израет, Что чужь побольше – и его уж нет, И он в волнах бесследно исчезает. Но всё хотелось на него смотреть... Работал винт, поток воды толкая, И нёсся след – исчезнуть, умереть, И смысл, и очертания теряя.*

такие строки Геннадия Иванова:

*Торопиться неохота,
Жизнь так хороша!
Поле, речка и болото –
Любит их душа.
Любит ветер, дождь и вьюгу,
И тепло в избе...
И лететь не надо к югу,
Как скворцу, тебе.*

Насколько же поэт отличается от простого смертного: рассказывая о себе, он невольно рассказывает и о нас обо всех. Ведь, когда на душе хорошо, то хорошо везде и “неохота” что-то менять. И хочешь подлиться этим состоянием, рассказать всем и каждому, как после пережитого возникает вновь чувство, которое звучит просто и точно: “И снова – жизнь!”.

*Белые хлопья каштанов цветущих
С розовым цветом внутри...
Мыслей не надо угрюмых, гнетущих.
Всё расцветает – смотри!*

*И одуванчиков жёлтые краски,
Зелень и листвеё, и трав...
Все они сбросили снежные маски.
Всякий лужайкой – прав!*

*Было безумно, но мы дотерпели.
Вот и наградою нам
Тонко, свирелью птицы запели!
Сердце прильнуло к цветам!
Наша весна – это Божия милость.
Дивно в родной стороне.
Бог не оставил –*

*и жизнь заструилась
В реках, полях и во мне...*

Казалось бы, ЧТО ещё надо, чтобы жить в гармонии с природой, частью которой являешься и ты. Но почему-то мы развиваемся так, что всё больше нарушаем её законы, не задумываясь, насколько неправомочны это делать. Жизнь тебе дарована свыше, поэтому пройди свой путь земной достойно и благодарно.

И поскольку поэты – “люди без кожи”, они особенно чутки к происходящему: *Мы люди последних времён.
Нам выпала доля такая:
Земли и воды слышать стон,
К ним собственный стон прибавляя.*

*Мы люди последних времён.
Опоры надежных сбиты,
И камушек всё под уклон.
Помогут ли чьи-то молитвы?*

*Помогут ли наши труды?
Задумано – так и случится:
Рассеются наши следы,
И только дымок будет виться...*

*Галактики гибнут, а тут
Какая-то мелкая сошка –
Земля; этот замысел крут,
И ждать нам осталось немножко.*

*Но замысел есть и другой:
Чтоб мы до последнего вздоха
Любили бы берег земной –
Неважно, какая эпоха.*

*Любили бы лист золотой,
Любили бы снег над рекой,
Полей плодородных полей,
Людей, с их великой тоской...*

Когда читаю стихотворения Геннадия Иванова, вижу, что каждое из них не только отражает время, в какое написано, но и уходит во вневременное пространство, благодаря глубине философских размышлений поэта.

Не случайно его изначально отметили такие известные и уважаемые в литературе люди, как Владимир Соколов, Василий Казанцев, Владимир Цыбин...

И не случайно его строчки востребованы не только сверстниками и теми, кто старше, но и ровесниками наших детей. А это показатель, к которому стремится и о каком мечтают любой пишущий.

И объясняется эта востребованность тем, что его поэзия даже о самом горьком свете. Сколько ни пишет, свет в его строчках не меркнет. Что-то, кроме природного склада, помогает этому поэту. Может то, о чём он сам поведал в одном из стихотворений:

*Выхожу из храма. Лето под парами.
Ласточки мелькают
и зевают: фьюить!
После полной службы
в православном храме
Умереть не страшно
и не страшно жить.*

*Всё понятно-ясно: что, куда, откуда,
Как нам жить сегодня,
завтра и всегда.*

*Если б мы так жили –
вот уж было б чудо,
Не было бы страха Страшного Суда.
Я пошёл за город, где цветы и речка.
Всё прекрасно, даже
этот нежный слезы!*

*Нагревает воду солнечная печка,
Торжествует милая временная жизнь.*

Думаю, именно такая “питательная среда” даёт просветлённости его душе и позволяет Геннадию Иванову в любых обстоятельствах сохранять присутствие духа, что и отражается на поэтической интонации каждого из его стихотворений.